

ОН ПРОКРИЧАЛ БЫ: ВЕРЮ!

В фильме ужасов Анастасия Вертинская играет по Станиславскому

Как к этому отнестись мне, немолодому критику, помнящему «Вишневый сад» и «Анну Каренину» в довоенном МХАТе, знаменитые «Три сестры» Немировича-Данченко, рождение «Современника», расцвет БДТ?..

Проще всего так: это не мое, я этим не занимаюсь, я это не смотрю, это «кич», это «массовая культура», это... Ну что еще придумано моими коллегами, чтобы тщательно отделить... Написал это слово и задумался — что от чего отделять? «Высокое искусство» от низкого искусства? Искусство от неискусства? А можно ли такой заборчик соорудить, чтобы в нем и щели не было: с одной стороны зеленая травка, с другой — лопухи. А лопухи — не трава? И сколько нормальному человеку, не гуманитарю, в наше ненормальное время нужно высокого искусства, а сколько иного, невысокого? И вообще, как возник в мире зрелищ нашего века такой монстр, как «фильм ужасов»?

Прошлой осенью был в гостях в Мюнхене. Там у баварцев есть такой праздник «Окtober-фест». На краю города на огромной площади выстроены аттракционы, по сложности и величине напоминающие стартовые комплексы на космодромах. Фантазия, дух захватывает!

На огромной высоте, по рельсам сложнейших металлических гор с перепадом высот в пятьдесят-сто метров мчатся поезда с утылыми вагончиками. В вагончиках люди. Снизу нам слышен мощный крик ужаса: общее «ах», общее «ох». А рядом «тарелки», «самолеты», «космические корабли», невиданные снаряды. Они ввинчиваются в небо, вращаются одновременно в трех плоскостях. И оттуда тоже единый крик ужаса десятков пассажиров. Ужаса и... восхищения.

А люди тем не менее стоят в очереди и платят марки за это самоистязание.

Что, естественных несчастий не хватает?

Зачем людям имитация ужасов? Землетрясения, цунами, тайфуны, извержения вулканов, наводнения... о войнах уж не говорю. Зачем эта добровольная прививка в малой дозе того, что может постигнуть нас в большой? И не по нашей воле, а по божьей?

Прививка от оспы осуществляется ослабленной «культурой оспы», от бешенства — малой дозой бешенства. Подобное подобным — кажется, так гласит принцип лечения, идущий со времен Гиппократов.

Так, может быть, фильмы ужасов тоже своеобразная прививка. Искусственный ужас вызывает настоящие чувства страха. Но мы застрахованы живущим в нашем подсознании: это ненастоящее, я в кинотеатре, это пройдет... Кто знает, может быть, таким способом мы приобретаем некоторый иммунитет от ужаса настоящего?

Во всяком случае, я убежден, что все жанры, возникшие в нашем столетии, когда совершилась необратимая революция в средствах массовых коммуникаций, что все эти жанры возникли не на пустом месте и не по воле злобных продавцов иллюзий.

Фильм ужасов возник в то время, когда появились теории Фрейда, в эпоху «психоанализа», «психотерапии». А в литературе, в искусстве почва была уже подготовлена. Блок, Андреев, Метерлинк, Д'Аннунцио, русский символизм, русская мистика. Даже МХАТ ставит «Жизнь человека» с «Анатомией», то есть с Дьяволом. Может быть, спуская все это «вниз» и рождаются своеобразные массовые жанры? А может быть, это и не «низ»

вообще? Однако тут уже поле для исследователей, философов, культурологов.

Думаю об этом, глядя на экран. Экранные ужасы меня не очень трогают, хотя порой про себя и ахаю. Зато с любопытством рассматриваю технологию. Как

сделано. Но что-то в этом фильме начинает занимать меня всерьез.

Это «что-то» — игра Анастасии Вертинской.

Она создает на экране два образа. Один — это слабая, болезненная женщина, красивая, безвольная, мучающаяся, пораженная наркотиком, к которому приучил ее под видом лечения врач. Другой — это второе «я» первой. Это воплощение злого начала в характере героини, терзающие ее тайные страсти, это «Дьявол», это страсть, насилие, позывы к ним, которых мы стыдимся.

Надо признаться себе, читатель, даже в самых благопристойных из нас живет раздвоение. Кто-то или что-то искушает нас, и мы боремся с этим. Потому что, если этому поддаться, — ужас!

Вспомните «Крейцерову сонату», «Дьявола» Льва Толстого, «Записки сумасшедшего» Гоголя и многие иные произведения. Классики имели мужество вытаскивать тайное в человеке, исповедаться перед читателем.

Вот в какие сферы меня завело, пока я смотрю фильм «Жажда страсти». Вспоминаю увлечение моей юности «Огненный ангел» Валерия Брюсова. Мотивы его, как и других его прозаических сочинений, проходят на экране.

Меня все больше увлекает игра Вертинской. Она играет всерьез. Ничего не имитирует. Обе ее героини созданы по заветам школы Станиславского, по меркам русского психологического театра.

Во-первых — перевоплощение. Актриса добивается абсолютного несходства двух своих превращений. Но это еще азы, это не цель, но средство.

Цель, сверхзадача роли сделать ту ВТОРУЮ, сгустившуюся из мрака души ПЕРВОЙ, обаятельной, многомерной, мучающейся и... неотразимой!

Несколько стыдясь этого, признаюсь себе, что меня больше притягивает ВТОРАЯ!

Известно, главный принцип школы Станиславского — «Я в предлагаемых обстоятельствах». Обстоятельства могут быть фантастические, вас могут заставить ходить по потолку. Без кавычек, просто — по потолку. Вам могут предложить играть на ходулях, на роликах, на коньках, наконец, действовать в чреве кита, в брюхе крокодила. Вам могут предложить даже что-то унижающее вас, нечто уж совсем неправдоподобное. Но, коль скоро вы заняты в этом фильме или в спектакле, будьте добры оправдать эти обстоятельства! Можно играть плохо, можно играть хорошо, главное, — говорил основатель «системы» и Художественного театра, — играть верно!

Вертинская играет хорошо и верно. Она полностью на высоте задачи и оправдывает предложенные обстоятельства. Ее «внутренний жест» изящен, внутренний диапазон переживаний своих героинь даже в крошечном эпизоде она растягивает до предела. Два ее образа развиваются по мере развития сюжета.

В первом образе актриса имеет своей сверхзадачей борьбу героини с собой и своей болезнью. Ей надо, непременно надо, убедить Врача и Инспектора, что тут «нечисто», тут не только болезнь, но вмешательство темных сил.

Во втором образе, образе Дьявола-женщины, сверхзадача в том, чтобы заставить нас поверить, что ОНА не только воплощенное НАСИЛИЕ, но что в ней и слабость. Вспоминаю слова К. С. — если вы играете злого, ищите, где он добрый, если сильного — ищите его слабости!

Так актриса и действует, и мне кажется, студенты актерских факультетов наших театральных училищ могут смотреть этот фильм еще и в учебных целях.

Самоотдача, увлеченность, чувство стили и чувство целого, хотя, как я понимаю, фильм снимался дробными эпизодами, — вот слагаемые двух образов, созданных актрисой в этом непривычном для нас фильме. Но ведь все эти качества и есть то, что мы именуем профессионализмом.

В воспоминаниях о Станиславском дошло до нас его знаменитое «Не верю!». Оно означало, что актер неубедителен. Думаю, в нашем случае он восторжен был и прокричал: «Верю!»

Я не ставил задачей порассуждать о жанре фильмов ужасов и конкретно об этом, о «Жажде страсти». Не хочу я также спорить о том, должна ли такая актриса, как Анастасия Вертинская, сыгравшая ряд превосходных классических ролей в театре («Двенадцатая ночь», «Тартюф», «Чайка», «Живой труп...») и в кино, сниматься в таком фильме.

Бесплодное это, по-моему, занятие — такие рассуждения. В них нередко приоткрывается дверца для показных «моралитэ». Хочу лишь заметить, что многие из звезд мирового экрана, известные нам по классическим авторским фильмам, такие как Жан Габен, Симона Синьоре, Марчелло Мastroianni, Моника Витти, Софи Лорен, не говоря уж о Жан-Поле Бельмондо или Жане Маре, снимались в десятках развлекательных коммерческих фильмов, принося им успех. Просто эти фильмы в прошлые годы до нас не доходили. А суперзвезда современного экрана Джек Николсон и в наше время снимается в роли Дьявола. И мы с удовольствием смотрим на него.

В любом жанре, в любом сюжете актер обязан быть безупречным профессионалом. Дефицит их сегодня — едва ли не самая большая беда нашего театра и кинематографа.

О высоком профессионализме Анастасии Вертинской мне и хотелось сказать.

Александр СВОБОДИН.

● Слабая земная Женщина и Женщина-Дьявол из Зазеркалья... Что их связывает — любовь или ненависть, страх или страсть?